



МЭРИ СТЮАРТ

МЭРИ
И ВЕДЬМИН
ЦВЕТОК



АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
С 88

Mary Stewart
THE LITTLE BROOMSTICK
Text copyright © Mary Stewart, 1971
Illustrations copyright © Hodder and Stoughton, 1971
'Mary and The Witch's Flower' film artwork © 2018 M.F.P.
All rights reserved

First published in Great Britain in 1971 by Hodder and Stoughton.

The moral right of the author has been asserted.

Перевод с английского Марины Клеветенко

Серийное оформление Татьяны Павловой

Оформление обложки Виктории Манацковой

В оформлении книги использованы иллюстрации
Ширли Хьюз (Shirley Hughes)

Стюарт М.

С 88 Мэри и ведьмин цветок : роман / Мэри Стюарт ;
пер. с англ. М. Клеветенко. — СПб. : Азбука, Азбука-
Аттикус, 2018. — 160 с.

ISBN 978-5-389-14755-3

Непоседе Мэри кажется, что каникулы у двоюродной бабушки в деревне тянутся целую вечность. Но скуке приходит конец, когда девочка встречает черного кота и он приводит ее в лес — на то место, где растет красивый, но очень странный цветок. Старый садовник рассказывает Мэри, что этот цветок с незапамятных времен считается волшебным — он цветет лишь раз в семь лет, и тому, кто найдет его, дарует необыкновенную силу и власть. С помощью чудесного цветка Мэри на маленькой метле взмывает за облака и приземляется в сказочной стране. Девочка оказывается в школе ведьм, где ее принимают за новую ученицу. Она начинает учиться колдовскому искусству, но вскоре понимает, что в сказочной стране творится что-то неладное...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14755-3

© М. Клеветенко, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Трою,
моему домашнему фамильяру¹,
и Джонни, коту,
пришедшему с холода*

¹ *Фамильяр* — волшебный дух, который служит ведьмам и колдунам.



ГЛАВА 1

Бедная крошка
плачет у окошка

Даже имя у нее было самое заурядное — Мэри Смит. «Какая же тоска, — думала Мэри, — когда тебе десять лет, ты сидишь в комнате одна, и глядишь в окошко на серый осенний день, и вдобавок зовешься Мэри Смит».

Ей одной в семье не повезло с внешностью. У Дженни длинные волосы золотистого оттенка, а Джереми все называют красавчиком. Они старше, умнее и гораздо, гораздо симпатичнее Мэри. Кроме того, они близнецы и всегда вместе, а Мэри младше их на пять лет и порой ощущает себя единственным ребенком. Нет, она не завидовала близнецам; напротив, ей казалось естественным, что у них есть то, чего нет у нее. А теперь еще и это...

Поначалу, когда выяснилось, что папа уезжает в Америку за месяц до конца каникул и берет маму с собой, все складывалось не так уж плохо.

Решили, что Дженни и Джереми поедут в Йоркшир на ферму к однокласснику Джереми, а Мэри — к маминой сестре тете Сью, у которой трое детей, одиннадцати, восьми и четырех лет, и живет она в часе езды от моря.

Однако в тот день, когда Дженни и Джереми уехали, пришло письмо от тети Сью. Она сообщила, что дядя Гил и старшие дети слегли с гриппом и в таких обстоятельствах тетя Сью не считает себя вправе рисковать здоровьем Мэри, не говоря о дополнительных хлопотах, которых требует уход за больными...

Вот так всегда. Опять близнецам все, а ей ничего. Пусть Мэри не будет собирать урожай, не увидит тракторов и не покатается на двух стареньких пони с фермы, но она надеялась, что ей хотя бы разрешат поехать к тете Сью и подхватить грипп. По крайней мере, болела бы в компании.

Сейчас, когда Мэри в одиночестве грустила у окна, грипп казался счастьем. Она совершенно забыла про температуру, ломоту в костях, про то, как скучно лежать в постели. И даже про липучку Тимоти, который в свои четыре года порой — а если честно, то всегда — бывал несносен. Зато как чудесно они проводили бы время с началом выздоровления! Читали бы книжки, играли, болтали и смеялись. Мэри так и видела

перед собой эту картину, в пятнадцатый раз сокрушаясь, что не уехала к тете Сью и не заболела до того, как мама, получив письмо, бросилась к телефону. В итоге Мэри виновато спровадили в тихий деревенский дом к двоюродной бабушке Шарлотте.

Где не происходило ровным счетом ничего. Скорее бы каникулы кончились — в школу и то лучше ходить...

И теперь Мэри хмуро взирала на сад, где ветер шелестел палой листвой на лужайке.

Двоюродная бабушка Шарлотта, старенькая, добрая и совершенно глухая, жила в Шропшире, в просторном доме красного кирпича. Чтобы добраться до проезжей дороги, нужно было шагать примерно милю через лес и вишневые сады. Сады когда-то принадлежали усадьбе, но теперь их арендовала компания, которая выращивала вишни на продажу. Калитку в сад закрыли, ходить туда не разрешали. Половину дома тоже сдавали, но жильцы уехали отдыхать, и от вида ставней на окнах и запертой древней боковой двери делалось еще тоскливей.

Деревушка Редмейнор — десяток домов вокруг церкви и почтового отделения — лежала в миле от дома. К деревне вела узкая проселочная дорога; Мэри иногда по ней гуляла и ни разу не встретила ни единой живой души.

Бабушка Шарлотта жила вместе со старинной подругой и компаньонкой мисс Марджори-банкс (произносится Маршбанкс), престарелой шотландской экономкой миссис Маклойд (произносится Маклауд) и стареньким пекинесом по кличке Кун-цзы (произносится Конфуций). Для полного счета еще были миссис Бэнкс и ее дочь Нэнси, которые приходили убираться, и старый садовник Зеведей. Не лучшее общество для мисс Мэри Смит, застенчивой особы десяти лет от роду.

Мисс Мэри Смит критически осмотрела в зеркале свой язык. Здоровее не бывает. Да и чувствовала она себя превосходно.

Мэри спрятала язык, снова показала его своему отражению и спустилась на первый этаж, поискать какое-нибудь занятие.

В гостиной у окна мисс Маршбанкс разбирала шелковые нитки для вышивания. В камине догорало одинокое полешко, а перед огнем, переваривая второй завтрак, восседал недовольный Конфуций. Двоюродная бабушка Шарлотта расположилась в кресле с подголовником, сбоку от камина, и, вероятно, тоже переваривала второй завтрак, но в отличие от пекинеса выглядела вполне умиротворенной. Бабушка Шарлотта спала.

Мэри на цыпочках скользнула к окну, тихонько села рядом с мисс Маршбанк и стала смотреть, как та вытаскивает нить абрикосового цвета из мотка светло-терракотовой пряжи. Вместе цвета смотрелись ужасно. Мисс Маршбанк тянула, встряхивала, выпутывала и наконец схитрила — отрезала обе нитки ножницами. Затем стала наматывать их на полоски, сложенные из газет.

Мэри открыла было рот, чтобы предложить помощь, но мисс Маршбанк сурово глянула на нее старческими голубыми глазами.

— Тсс, Конфуция разбудишь, — прошипела она, отодвигая коробку с нитками подальше. — А Конфуций разбудит твою бабушку.

— Но я... — начала Мэри.

— Тсс, — повторила мисс Маршбанк.

Так же на цыпочках Мэри вышла из гостиной и целых две с половиной минуты закрывала за собой дверь, чтобы та не скрипнула.

На кухне миссис Маклауд готовила перевернутый пирог. Кухарка стояла перед выдавшим виды кухонным столом и что-то размешивала в желтой миске. Она едва ли заметила робко вошедшую Мэри, поскольку разговаривала сама с собой на каком-то очень странном языке. «Или, — внезапно подумала Мэри, переведя взгляд с худого лица и костлявых рук миссис

Маклауд на кипящую рядом на плите кастрюльку, — творила заклинание».

— Пару унций муки, — бормотала миссис Маклауд, энергично размешивая ложкой, — щепоть соли, маленько сахарку...

— Что вы готовите? — спросила Мэри.

Миссис Маклауд вздрогнула, так что деревянная ложка стукнула о миску, а на столе задребезжали жестянки с солью, сахаром и содой.

— Боже милосердный! — воскликнула кухарка. — Испужала-то как меня, деточка! Чего тебе?

Миссис Маклауд вновь принялась размешивать тесто, глядя в потрепанную поваренную книгу, прислоненную к миске с яйцами.

— Эх, то ли дело раньше! А теперь без книжки как без рук. Две унции растопленного масла...

— Можно я помогу? — робко спросила Мэри, подойдя ближе. — Дома я помогаю маме печь булочки... Она дает мне кусочек теста...

— Нет, — перебила ее кухарка, но вовсе не грубо. — Седни я булочек не леплю, только пирог к ужину, а это дело мудреное. Поди-ка лучше погуляй, чем тут толкаться. Может, распогодится.

Миссис Маклауд пробежала испачканным в муке пальцем по строчкам и нахмурилась:

— Придумают же! Хорошенько взбить половину яйца... Ты когда-нибудь о таком слыхала?

— Белую или желтую? — уточнила Мэри, заглядывая в книжку.

Тут варево в кастрюльке зашкварчало, кухарка бросилась к плите и сдернула кастрюльку с огня.

— Эдак пригорят мои абрикосы! Ступай, деточка, в сад, не то останемся без пирога. Мне дело делать надо, а не лясы с тобой точить.

Мэри медленно вышла из кухни и через судомойню направилась к задней двери.

Дочь миссис Бэнкс, Нэнси, снимала с веревки белье.

Нэнси была крупной розовощекой девушкой с пухлыми руками и яркими карими глазами. Она улыбнулась Мэри поверх стопки наволочек и приветствовала ее на своем тягучем шропширском наречии.

— Помочь вам развесить белье? — предложила Мэри.

Она подняла с пола упавшие прищепки и положила их в карман фартука Нэнси, где лежали остальные.

— Белье почти высохло, — с улыбкой протянула Нэнси. — Мы с мамой как раз собирались гладить.

Нэнси выдернула жердь, чтобы веревка провисла посредине, сняла последние простыни и сунула прищепки в карман фартука, когда из

пристройки, где стирали белье, раздался пронзительный голос ее матери:

— Нэнси, что ты там возишься? Где простыни?

— Иду, мам! — крикнула Нэнси и, улыбнувшись Мэри на прощание, исчезла за дверью.

Если бы Мэри не искала Зеведея, то никогда бы его не нашла. Как все хорошие садовники, он выглядел скорее частью сада, чем живым человеком. В выгоревшей куртке, изношенной шляпе и штанах, перевязанных под коленями бечевкой, Зеведей больше всего походил на старую рухлядь, забытую в сарае. Щеки под полями ужасной шляпы были красно-бурыми, как цветочный горшок, а узловатые руки казались сплетенными из тех же пальмовых волокон, которыми подвязывают хризантемы.

Этим он и занимался, когда Мэри его обнаружила.

Луч осеннего солнца пробился сквозь серые облака, позолотил деревья и опавшие листья, которые шуршали под ногами, когда Мэри шла через лужайку. На фоне живой изгороди из кипарисов хризантемы кивали головками цвета бронзы, меди и кристаллов серы, и от них, от земли, от сухих листьев и ярких настурций шел печальный и прекрасный аромат осени.

Зеведей, прервав на миг свои труды, покосился на Мэри ясными, как у малиновки, стариковскими глазами, но промолчал. Взъерошенные головки хризантем качались, когда он перехватывал стебли пальмовой бечевкой. Садовник снова склонился над клумбой и исчез за цветами. Мэри с опаской спросила:

— А мне можно подвязать?

Головки хризантем качнулись снова, и моток волокон перелетел через клумбу.

Поймав его в воздухе, Мэри неуверенно шагнула вперед. Ужасная шляпа снова показалась в трех клумбах впереди, прямо за громадным алым георгином. Садовник стоял к ней спиной, а его руки деловито шуршали в опавших листьях.

Мэри снова посмотрела на моток в руке, решила, что это приглашение помочь, и, раздвинув астры и громадные пылающие георгины, шагнула к краю клумбы.

Она начала медленно и аккуратно приматывать стебли к столбикам, стараясь не повредить листья. Старый Зеведей снова пропал из виду, но с кипарисовой изгороди, словно фамилляр садовника, слетела малиновка и уселась на стебель георгина, косясь на Мэри такими же ясными старческими глазками.

Солнечный луч медленно полз по ярким цветам и опавшим листьям. Девичий виноград на стенах дома отливал шелками старинного гобелена, а тонкие трубы, поймав солнечный свет, мягко сияли на фоне свинцового неба.

А затем, натянув бечевку сильнее, чем нужно, Мэри сломала стебель.

Это была самая высокая и красивая хризантема, и треск далеко разнесся в тишине. Огромный янтарно-желтый цветок поник головкой, роняя лепестки.

Мэри в ужасе замерла.

Внезапно, так же стремительно, как исчез, рядом возник Зеvedей и раздраженно уставился на своего любимца.

— Зря я тебе разрешил, — с горечью промолвил садовник, и его голос, как и весь его облик, казалось, принадлежал саду: тонкий, хриплый, но странным образом певучий, словно ветер в трубе. — Детям и собакам нечего в саду делать. Иди-ка отсюда.

— Простите, — уныло пробормотала Мэри и, протянув садовнику моток, в отчаянии побрела прочь.

Она отыскивала проход в кипарисовой изгороди, за которым была калитка в лес, и бесцельно зашагала по тропинке, с каждым мгновением острее чувствуя одиночество. Ноги бесшумно

ступали по влажному ковру бурых и желтых листьев. С одной стороны молодой дубок протянул над тропинкой пригоршню желудей, последние тонкие листочки дрожали на ветру. В развилке букового корневища, как в чаше, стояла темная вода, в ней плавал пух чертополоха. Над чашей, словно крыша, нависал оранжевый древесный гриб, а среди мха, грязи и гниющих веток сучились поганки.

Все вокруг говорило, что лето кончилось.

Мэри остановилась, и тишина умирающего леса тяжело легла ей на плечи.

В таком безмолвии даже звук, с которым желудь падал в мокрую траву, заставлял вздрагивать.

Внезапно, с грацией и спокойствием танцора, прямо на тропинке перед Мэри возник маленький черный кот.

Кот был черен от ушей до кончика хвоста: черные пяточки, черные усы и аристократические черные брови, которые топорщились над зелеными-презелеными глазами.

Кот застыл посреди тропинки и смотрел на Мэри. Затем открыл пасть, показав треугольник розового язычка и белоснежные зубки, и задал какой-то вопрос.

Вероятно, он спросил о чем-то очень простом, вроде: «Как дела?» Или: «Прекрасный денек, не

находите?» Как бы то ни было, кот, очевидно, ждал ответа.

— Здравствуйте, — пробормотала Мэри. — Меня зовут Мэри Смит, а вас?

Кот не удостоил Мэри ответом. У него явно были дела поважнее. Он отвернулся, вежливо помахал хвостом и направился по тропинке вглубь леса. Впрочем, кот явно давал понять, что не собирается уходить от Мэри, а, напротив, приглашает ее пойти за ним.

Обрадовавшись, что нашла попутчика там, где меньше всего ожидала, Мэри последовала за котом. Она даже не пыталась его погладить. Кот совершенно точно знал, куда идет, и, не менее очевидно, дело у него было весьма важное, так что обращаться с ним как с обычным котенком было бы верхом нахальства.

Вскоре кот свернул с тропы, прошмыгнул под нависшими ветками снежнотопольника, запрыгнул на упавшую дубовую ветку и оттуда принялся наблюдать, как Мэри с трудом продиралась сквозь кусты.

Наконец она подошла к ветке. Кот не двинулся с места, однако пристально следил за девочкой.

Внезапно она вскрикнула от удивления и радости. Здесь, за кустами снежнотопольника, под укрытием дубовой ветви росли цветы, каких Мэри еще никогда не видала.

Листья, собранные в тугие розетки, были удивительного сине-зеленого цвета, пятнистые, словно жабья кожа, а над ними на тоненьком стебле покачивались гроздья изящных фиолетовых колокольчиков. Лепестки изнутри отливали серебром, а пестики торчали наружу, словно длинные золотистые язычки.

Мэри опустилась на колени, чтобы получше разглядеть дивные растения, а рядом, помахивая хвостом и не сводя с нее зеленых-презеленых глаз, уселся маленький черный кот.



ГЛАВА 2

Тише, мыши,
кот на крыше

Маленький черный кот сопровождал Мэри и на обратном пути. В руке она несла удивительный фиолетовый цветок, который сорвала в лесу.

Мэри вошла в дом с черного хода. Дверь в пристройку была заперта — наверное, миссис Бэнкс и Нэнси вернулись в деревню. В судомойне сидел на ящике садовник Зеведей, зажав коленями старую кадку. В кадке исходило паром какое-то густое варево, а садовник яростно перемешивал его палкой. Он так и не снял свою ужасную шляпу.

Сейчас он наблюдал за Мэри из-под полей этой шляпы. Вспомнив о сломанной хризантеме, девочка не без опаски приблизилась и протянула ему фиолетовый цветок:

— Не знаете, что это? Я нашла его в лесу. Никогда раньше такого не видела.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. Бедная крошка плачет у окошка	7
ГЛАВА 2. Тише, мыши, кот на крыше	20
ГЛАВА 3. Рано-рано поутру	29
ГЛАВА 4. Между небом и землей	42
ГЛАВА 5. Палочка-скакалочка	47
ГЛАВА 6. «Не заглянешь, милый друг?» — муху спрашивал паук	57
ГЛАВА 7. Ведьма по небу летит, ухмыляется	71
ГЛАВА 8. Что же делать, как же быть?	82
ГЛАВА 9. Одна нога здесь, другая там	94
ГЛАВА 10. Прыг-скок, прыг-скок	104
ГЛАВА 11. Ты откуда, ведьма злая?	114
ГЛАВА 12. Полетели, полетели!	125
ГЛАВА 13. Колокольчики звенят, птички в небе гомонят	135
ГЛАВА 14. Снова дома, снова дома!	143
Примечание автора	154
Несколько слов от переводчика	156

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

МЭРИ СТЮАРТ

МЭРИ И ВЕДЬМИН ЦВЕТОК

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Екатерина Доброхотова-Майкова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Татьяна Бородулина, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 03.05.2018. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 8,4. Заказ № .
Дата изготовления 24.05.2018.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/



H-DKB-23035-01-R